

РЕПИНА Е. И.

**РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Аннотация. В статье анализируется проблема рациональности и рационализации сознания в современном обществе. Особое внимание уделяется научным представлениям ведущих социологов о роли рационализации в жизнедеятельности человека.

Ключевые слова: рационализация сознания, рациональность, социальная рациональность, современность, культура.

REPINA E. I.

RATIONALITY IN MODERN SOCIETY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article analyzes the phenomenon of rationality and rationalization of consciousness in modern society. The study focuses on the key sociological ideas about the role of rationalization in human life and activities.

Keywords: rationalization of consciousness, rationality, social rationality, modernity, culture.

Рациональность мысли и действия – одна из основных ценностей, образующих культуру современного общества. Она охватывает не только рациональные формы сознания, познания и знания, но и основанную на рациональном сознании человеческую деятельность и поведение. Поэтому, несомненно, рациональность вплетена в ткань социальной, культурной, нравственно-ценностной реальности; они сосуществуют и взаимодействуют друг с другом. Как подчеркивает А. А. Новиков, рациональность – это не только продуманный, рассчитанный, сбалансированный, но и нравственный путь разумного человеческого развития, когда доброта, самопожертвование, милосердие, собственно, нерациональные факторы, гармонично сосуществуют с прагматичностью, критическим мышлением, знаниями [4, с. 97]. Учитывая вышесказанное, возникает вопрос: что значит рационализация для современного человека?

Важно отметить, что хотя присутствие и значимость рациональности в жизни человека остаются неизменными, само ее содержание приобретает в современном обществе новое звучание. Социальная модернизация, сопровождающаяся мощными научно-техническими достижениями, урбанизацией, бюрократизацией, резким противопоставлением субъекта и объекта, ростом значимости формального, обезличенного, прагматического, задала в качестве нового принципа социальной жизни прогресс, подразумевающий все большую рационализацию общественной жизни [6, с. 92].

Г. Зиммель пишет о новом мироощущении современной эпохи, о предпосылках его формирования, о кардинальных различиях социальных субъектов, существенных сдвигах в обществе. Углубляется разделение общественного труда, повышается эффективность экономики, интенсифицируются социальные связи, коммуникации, взаимозависимости, что позволяет человеку удовлетворять разнообразные потребности, способствует развитию личности. Вместе с тем, рост формализованного и регламентируемого ведет к раздробленности, к снижению сплоченности [8, с. 308–309]; наблюдается повышенная нервозность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены впечатлений, как следствие усиление рационализации, стрессы, изменения ценностных ориентаций, стереотипов поведения, что так же ведет к отчуждению и разрушению социальных связей [2, с. 722]. В целом, по мере роста господства культуры и ее составляющих над индивидом, снижается его ценность как самостоятельного члена общества. В общих чертах, Зиммель полагал, что в современном мире еще более активное развитие культуры приведет к еще большему снижению значимости индивида [7, с. 50].

В классической социологии М. Вебер не только предупреждает о нарастающем процессе рационализации, но и привлекает внимание к проблемам, которые он порождает. Что же влечет за собой возрастание роли целерационального (направленного на достижение ясно осознаваемых самим действующим индивидом целей и использующего для достижения этих целей адекватные средства) действия? Рационализируется способ ведения хозяйства, управление во всех сферах социальной жизни, образ мышления людей, так же как и способ их чувствования жизни в целом. Все это сопровождается колоссальным усилением социальной роли науки, которая проникает в производство, управление и, наконец, даже в быт [1, с. 75].

Чувство разочарования, которое предрекал Вебер, связано с тотальным разволшебствованием человеческого мира, лишением его не только «магических», но и вообще каких бы то ни было душевно-духовных моментов, отчуждение его от человека [1, с. 222]. По словам Шнайдера, доведённый до конца процесс «разволшебствования» мира «превратит жизнь в повесть, которая ... безусловно не будет означать ничего, так как смысл из неё выхолощен» [7, с. 553].

Ю. Хабермас рассматривает современность как «незаконченный проект». Это значит, что одной из центральных проблем современной социологии, как и во времена Вебера, продолжает оставаться рациональность. Именно рационализацию целерациональной деятельности, а не рационализацию вообще, Хабермас рассматривает в качестве главной проблемы современного мира. Согласно Хабермасу, решение данной проблемы кроется в рационализации коммуникативного действия, которая ведёт к добровольной, открытой,

свободной от господства, коммуникации. Такая рационализация предполагала бы спад нормативной репрессивности и жестокости и рост индивидуальной гибкости и рефлексивности. Конечный пункт эволюции, по Хабермасу, – рациональное общество [7, с. 179].

Э. Гидденс пишет о принципиально новом мышлении в современном обществе. Он определяет мир как рефлексивный, и даже человек становится объектом для размышления и самоисследования [7, с. 491].

Интенсивно развивающаяся рациональность, как было отмечено выше, задала немало проблемных аспектов. Хотелось бы остановиться ещё на одном из них. Представители критической школы в социологии делают акцент на подавлении личности «индустрией культуры» и «индустрией знаний».

«Индустрию культуры» теоретики-критики описывают как рационализированные, бюрократизированные структуры (например, телевизионные сети), которые контролируют современную культуру и производят то, что определяется как «управляемая ... неспонтанная, овеществленная ложная культура, а не реальная вещь». Критическую школу беспокоит умиротворяющий и подавляющий характер воздействия культурной индустрии на людей [7, с. 170–171].

Представители критической школы также изучали «индустрию знаний», которую они относили к структурам, приобретшим в обществе автономный статус [7, с. 171].

Еще один представитель критической школы, Г. Маркузе, видит в современном обществе «искаженную», иррациональную рациональность. Это выражается в том, что современный рациональный мир разрушителен для индивидуумов, их нужд и способностей, поскольку люди, несмотря на новейшие технологии и модернизацию экономики, остаются бедными, подавляемыми, эксплуатируемыми и неспособными реализовать себя [7, с. 169–170]. Современные технологии, которые призваны облегчить и улучшить жизнь общества, играют с человеком злую шутку – утверждают свое господство над ним. По мнению Маркузе, технологии поработают человека, подавляя его индивидуальность и поглощая его внутреннюю свободу. Результат технологизации – «одномерное общество», в котором индивиды теряют способность мыслить об обществе критически [7, с. 170].

Об утрате своего места в жизни и неспособности его повторного обретения пишет Джеймсон. Он предлагает образ постмодерна, в котором люди плывут по течению и не могут постичь современные экономическую, политическую, бурно развивающуюся культурную сферы общественной жизни [7, с. 548–549].

Рационализация все чаще испытывает человека «на прочность». Разнородная и зачастую противоречивая информация из СМИ, кино, сферы образования способствует тому,

что индивидам приходится «срываться с якорей привычных правил и бросаться в новый, неизвестный, неупорядоченный для них мир». И в этих условиях человек, согласно Г. Блумеру, не только не лишается своего самосознания, но наоборот, способен довольно сильно обострить его [5, с. 127].

Новая темпоральность, быстротечность повседневной жизни, результатом которой является осознание непостоянства, усовершенствовала человека современности, развила в нем такие важные качества, как оперативность мысли, вариативность способов достижения одной и той же цели, технологичность действий в решении поставленных задач. А разнообразие и сложность решений в современном обществе актуализирует проблему «сверхвыбора» альтернатив, что требует от человека наличие системы ценностных ориентиров [3, с. 161–162].

Другая черта, по А. Тоффлеру, – новизна, приносящая изобилие новшеств в жизнь людей. Она принуждает сталкиваться с незнакомыми институтами и непривычными ситуациями. В связи с этим Тоффлер, как теоретик постиндустриального общества, призывает не только «перефокусировать» систему образования на будущее, но и «сместить временной базис индивидуума» – стимулировать и развивать в нем чувство будущего, побуждать к размышлениям о будущем, проектировать его, воображать, анализировать, оценивать будущие возможности» [3, с. 163].

Анализ особенностей интенсивно развивающейся рационализации в современном обществе демонстрирует противоречивость и многозначность данного явления. Рационализация, как один из ключевых продуктов революции в культурной, социальной, экономической, информационной сферах, представляет актуальным и необходимым исследование комплекса значимых социально-гуманитарных и узкоспециальных проблем, связанных с рационализацией общественного сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.
2. Добреньков В. И., Кравченко А. И. Фундаментальная социология. В 15 т. – Т. 5: Социальная структура. – М: ИНФРА-М, 2004. – 1096 с.
3. Заборская М. Г. Неклассическая рациональность и субъект образования // Известия Российского государственного университета им. А. И. Герцена. – 2005. – № 10. Т. 5. – С. 158–171.
4. Кролевец Ю. Л. Многообразие рациональностей // Омский научный вестник. – 2008. – № 5 (72). – С. 97–100.

5. Мурейко Л. В. К проблеме рациональности массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 114. – С. 126–143.
6. Рассадина Т. А., Репина Е. И. Рационализация сознания как фактор социокультурных изменений // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 6. – С. 90–100.
7. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е издание. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
8. Филиппов А. Ф. Релятивистская социология Георга Зиммеля // История теоретической социологии. В 4-х т. / отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. – Т. 2. – М.: Канон+, 2002. – 560 с.